

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Стенограммы допросов. Часть 15

Опись 4689439/960-g

Архив RAV140934

Штамп 1: Материалы не подлежат открытой публикации до 07 октября 1996, ввиду возможного ущерба общественной нравственности. Дата: 07 октября 1946г.

Штамп 2: Разрешен ограниченный доступ. Дата: 08 октября 1996г.

Седьмой фигурант

(третий допрос)

Дело N-12.

Выписки из томов 11-13 (использованы выдержки из дела N-14)

Следователь: Уроки по обыску и анатомии вы на прошлых наших встречах описали очень образно. А что там с технологией допроса?

Допрашиваемый: Так я же говорил, это вроде как все три предмета вместе. И девки сначала были одни и те же, и учитель один. Сначала их обыскиваем, потом- анатомия, а третьим уроком с ними - технология допроса. На втором году анатомия закончилась, она же при... прикладная была, не основная, значит.

Закончилась, когда мы совсем все про разных девок узнали - где у них что и как возбудить побыстрее. Тогда уж только обыск и допрос остались. Самые важные предметы. Допрос - на следующем уроке после обыска. Вот так.

С.: Не понял. Вы про технологию допроса рассказывать будете или нет?

Д.: Так точно, буду. Я же как раз для этого и говорил. На анатомии мы для того про девок все узнавали, чтобы потом при допросах использовать. Вообще это похожие уроки были. Только перед обыском им секретку давали, чтоб они спрятали, а перед допросом пару секретных фраз говорили. Первая - просто секретная, а вторая такая тайная, что вообще ей конец. Так и было, кстати, всем им на анатомии показывали, что делали с такими болтушками из предыдущей группы. А если совсем не проговорятся, то тоже, как на обыске, премию получали - обед вкусный. Ну а баб допрашивать, не то, что мужчин. У девок стыдливость больше и в мозгу соединение какое-то между ор... ор... черт, опять забыл, как называется.

С.: Оргазм.

Д.: Да, между оргазмом и тем, что тайну проболтать можно. Это нам по научному объясняли, даже специалист по нервам приезжал. Значит, если на стыдливости сыграть правильно, у них язык тоже развязывается. Даже бить или еще как больно делать особо не надо - это больше для мужчин применялось. Если девка без порки какой говорить хоть немного начнет, в мозгу у нее что-то соединяется. И от обиды на себя, что проговорилась, все уже скажет. А порка - уж последнее дело, и не срабатывает часто. Это вот так у девок в голове устроено.

Только причем у баб, у мужчин по-другому. Верно это нам объясняли, так оно и было. Нам надо было знания такие правильно использовать. Это как делалось. По одной их в класс заводили и посередине кафедры лицом к нам ставили. Ничего еще не спрашивали, только

медленно раздеваться велели. Интересно было, конечно, только с теми, которые у нас через анатомию не проходили. Даже не в том дело, что интересно, а результат допроса другой был. Тут ведь главное, чтобы она стеснялась как можно больше - это их из равновесия выбивало. А если уж на анатомии побывала, да под нашими руками кончала, а потом ее еще и трахали... Какое уж тогда стеснение... Сами понимаете.

Зато хорошо получалось, если новенькая, только на обыске побывала. Уже там, как ее щупали, со стыда сгорала. А тут еще - совсем голышом! Да еще - на обыске вся их группа вместе, а тут она одна перед нами стоит. Еще лучше, правда, если и на обыске еще не была, пару раз так получалось. Тогда вообще дрожит, как осиновый лист - она раздевается, а мы же все строгие, чуть что нетак, рявкаем на нее. Да, значит, раздевается и от стыда дрожит все время.

Мальчишки все-таки перед ней. И много. И все на нее уставились. Губку там прикусывает, или чего... Прикрыться все пытается. Одеждой или руками хотя бы. Ну мы тогда: "Руки по швам! Ноги расставить!" Слушается обычно, куда ж деваться, только красная стоит, глаза опустит, даже посмотреть на нас стесняется.

Вначале тот, чья очередь, как на настоящем допросе: ну там имя, фамилия, когда родилась, где, чем занималась и все такое. Тут что характерно, что вначале тихо отвечает, а как замечание сделаешь, нормально уже говорить начинает, в голос. Значит, первое смущение прошло и воздействие усилить надо. Для этого что делали. Подойти к ней надо, приказать ноги пошире развести и во влагалищесвечку засунуть. Ну а если девственница - в задницу. Это мы еще на обыске определяли - кто из них пока нетронутая.

Потом вопрос задашь и сразу - свечкой из стороны в сторону, опять задашь и опять пошевелишь. Свечка у нас вообще на допросе девок главное орудие было, я еще расскажу. Пошевелишь, значит, она дернется, но отвечает. Если опять тихо - значит, все правильно делаем. А если погромче - значит, в норму входит и еще надо ее подзадорить. Это вот как. К тому, кто рядом с ней и допрашивает, еще кто подходит, а то и двое сразу.

Первый по-прежнему свечкой орудует, а другой, к примеру, ей соски легонько покручивает. Или ляжки с внутренней стороны гладит, или клитором занимается. А у некоторых самое место такое - прямо над ягодицами, где позвоночник немножко вглубь уходит и жирка чуть-чуть. Бывает, что никакой клитор с влагалищем так их не возбуждает, как это место погладить. Вообще, пробуем по-всякому. Это мы ведь еще по анатомии знаем, что девок заводит.

Но это все так, цветочки. Самый ответственный момент наступает, когда до секретных фраз дело доходит. Тут ведь она просто так говорить не будет, ежу понятно. С другой стороны, к этому времени она уже, как правило, раздухаренная. Дышит громко, тазом шевелит, "..." мокрая стала. Хоть и стыдной этого, а ничего с собой поделывать уже не в силах. Так что не так много и нужно. Тут по-разному делать можно. Можно попроще - просто еще быстрее теми же движениями заводит и все время спрашивать секретку, спрашивать, спрашивать.

А можно, например, на стол ее на раздвинутые колени поставить. И заставить лицом ко всей труппе самой на свечку нанизываться: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Тоже, конечно, все время спрашивать о секретке. Зрелище это на столе, кстати, очень забавное. Она же в раскоряку стоит. Так что все складочки между ногами - как на ладони. Как они туда за свечкой убираются, потом опять показываются - все хорошо видно. И как титьки от этих

движений болтаются - тоже. А ей ведь еще не так просто все это проделывать.

Свечка норовит в дырке ее застрять, сама не вылезит. Особенно - если девственница и свечка потому в задницу воткнута. Так что она сама должна ее к столу прижимать, а потом опять насаживаться. При этом понимает, что нам все видно прекрасно, так что лицо у нее - что надо! Просто горит все. Тут и стыд, и то, что раздухарилась уже. А тот, кто допрашивает, еще ее по всем бабьим местам гладит - возбуждения добавляет.

Тут главная трудность - вовремя остановиться. Ни в коем случае нельзя дать ей кончить. В самый последний момент прервать надо. Также не так просто определить - когда самая последняя секунда. Когда еще только одно движение и все, кончила. У каждого из парней тут свой прием был. Кто на дыхание больше смотрел, кто - на движения, кто - как пот между титьками выступает. А я, например, больше - по глазам. Приказывал ей все время на меня смотреть. Как у нее ор... ор... оргазм начинается, большинство никак с открытыми глазами не могли. Вначале закатывали и сразу же прикрывали их. Значит, вот он - самый момент, который ловить надо. Тут рывкнуть на нее надо. А дрыгаться не перестанет - еще пару пощечин влечь. Не сильно только, чтоб совсем не остыла. У девок возбуждение медленней, чем у нас проходит. Так что ей кончить хочется, а не дается никак. Самое время секретку выпытывать. Да еще говоришь при этом, что не только самой двигаться разрешишь, но и в разных местах потрогаешь. Помогало обычно.

Но так легко только с первой секреткой было. А вот со второй, которая совсем тайная, куда сложнее. Тут одним оргазмом ничего не сделаешь. Надо было ее раза два кончить заставить, а то и три. Ну а потом, когда совсем изнемогла и ничего не соображает, в последний раз прервать. И спрашивать, спрашивать. В таком состоянии она что угодно должна сказать. Извивается вся, воеет, глаза выпученные, а дальше ты не даешь. Также интересное зрелище, кстати. Но все равно такой подход не всегда срабатывал, раз на раз. Когда как. Потому что они еще раньше видели, что будет, если проболтаешься. Тут как раз от настоящего допроса отличие было.

И что характерно, что у Лоты как раз с допросом хуже других получалось. На этом уроке ей было посложней; не то, что на анатомии девку кончить заставить.

То есть кончать-то они кончали, конечно, и побыстрее, чем под нашими руками. Но раскалываться - никак не раскалывались. Разве что одна-две какие-нибудь случайно. И только по первой секретке, о второй с Лотой и речи не было. Это ведь почему получалось так. Тут не только в ор... оргазме дело было, чтоб они заговорили по-настоящему. Главное все-таки в стеснении - что девке перед парнем незнакомым догола раздеваться надо, а потом он ее еще заводит начинает. Лапает там, щупает всюду. Стыдно ей до смерти, а организм все равноего требует, потому и кончает. А перед девушкой-то чего особо стесняться?

Сама, небось, такая же. Так что и кончить можно, а язык все равно не развязывается. Даже то, что парни из всей труппы на нее глазают, с Лотой вроде не в счет - допрашивает-то она.

С.: С Лотой вашей все понятно. Но вы что-то невнятное сказали о том, что было теми, кого все-таки вынуждали назвать эти секретные фразы.

Д.: Так точно. Но тут по-разному. Если только первую секретку назвала, еще ничего особенного. Просто обеда премиального лишали и все, больше ничего. А вот если и вторую ради своего бабьего удовольствия тоже проболтала, самой же хуже. Но это сама виновата, ведь и предупреждали, и показывали, что бывает...

С.: Так что же все-таки?

Д.: Я же говорил, таких опять на анатомию приводили. Только уж со следующей группой, которую к допросу готовили. На этих болтушках показывали, из чего девка состоит. Да и мы сами тоже смотрели, залезали.

С.: Не понял. Разве вам на анатомии только «болтушек»; показывали? Я так из вашего рассказа понял, что там как раз новенькие были, разве что после обыска.

Д.: Так точно. Но новеньких девок мы только снаружи трогали и смотрели, а болтушек внутри.

С.: Что значит «внутри»? Еще глубже во влагалище забирались? Так вроде вы их так ощупывали, что глубже некуда.

Д.: Никак нет. Внутри - значит внутри. Показывали, где там матка, где трубы, где вообще все органы - печень там, сердце...

С.: Так вы их заживо вскрывали что ли?

Д.: Так точно.

С.: Сами?

Д.: Вначале учитель, потом сами.

С.: Зачем?

Д.: Так ведь урок анатомии все-таки. Это же, как человек устроен. Вот мы и смотрели. Некоторым в трупке это нравилось, той же Лоте, например. Но я такие уроки не любил. На которых внутренности болтушек проходили.

С.: Почему?

Д.: Так кровищи было много, отмываться приходилось. Крика тоже много. Некоторые парни у нас сначала вообще не выдерживали. Или блевали, или в обморок бухались. Потом только привыкать стали.

Урок ведь как проходил. Комната была специальная. С кафельными стенами, поломцементным со сливом. Болтушку на стол металлический укладывали. Голую, конечно. Затем руки-ноги к углам стола привязывали. Мы в фартуках резиновых вокруг. А у стенки - та группа, которая скоро на допрос пойдет. Сначала им объясняли, что вот эта привязанная допрос не выдержала, все рассказала. Ну а потом за дело принимались. И тут что характерно. Как болтушка понимать начинает, что все всерьез, а особо - как инструменты увидит, всегда сначала умолять начинает. Прощения, к примеру, просит, что обе секретки сказала. Говорит, если еще раз позволят, такого не будет. Или еще насчет траханья - что, мол, со сколькими угодно и в любую дырку. Что нам с ней так понравится, что вообще... И что влагалище и титьки у нее самые вкусные, потрогайте, мол, посмотрите... Да и в публичный дом с радостью пойдет. Или что стесняться не будет и голышом хоть через весь город гулять готова. Короче, пытается все свои женские хитрости на нас использовать. Ну от этих глупостей беспомощных с одной стороны ее жалко немножко становилось, а с другой - сама же виновата...

С.: В чем виновата? Что эти глупые «секретки»; сказала?

Д.: Так точно. Ведь прекрасно знала, что нельзя их говорить.

С.: И только за это вы ее сразу заживо вскрывали?

Д.: Никак нет, не всегда сразу. Иногда еще, перед тем, как внутренностями заняться, пытки на ней всякие показывали.

С.: И что еще этим хотели выведать?

Д.: Да нет, ничего. Просто на обычных уроках, которые в классе были, девок особенно мучить нельзя было. Они же еще должны были использоваться. Ну а тут все можно - материал-то

отработанный. Мы же пытки тоже должны были всякие знать.

С.: Какие именно?

Д.: Они на разные делились. Самая простая - порка. Хлыстом, розгами, или плеткой такой с маленькими крючками. В порке основное - по чувствительным местам бить. Это в основном те самые, от которых девки балдеть начинают. Так что как разложат ее, по этим местам стегать начинаешь. Удар - по соскам, другой - по ляжкам изнутри, следующий - по влагалищу. С оттягом бить надо, чтоб и соски за плеткой шли, и губы с клитором вслед вытягивались. От оттяга сразу рубцы вздуваются. Сразу видно, попал куда надо, или нет. Поэтому оценка твоей работы - у всех на глазах. Девка, конечно, орать начинает. Но порка - это же еще не внутренности смотреть, это же цветочки еще. Так что на крики можно внимания особого не обращать. Тем более еще, что характерно, некоторые бабы от порки почему-то заводиться начинают.

Больше как раз, если вот такие беспомощные лежат - голые, да так привязанные, что не шевельнуться. Пару раз только по этим местам ударишь - она уже покраснелась, потекла. Мне, например, порка больше всего нравилась. Особенно, если симпатичную девку стегаешь. Она ж перед тобой распяленная лежит и сам иногда так раздухаришься, что даже вставить ей хочется. Но нельзя, к сожалению - учитель тут все-таки. Еще электричеством пытали. Это проще всего было, от тебя толком ничего не требовалось. Ей зажимами с проводками соски зажмешь, а во влагалище металлическую трубку вставишь. И ток между титьками и «...» пускаешь. Тут тоже - если этот ток слабенький, ей щекотно только. Но щекотно-то в самых бабьих местах. Почти все девки от маленького тока текли. Бывало даже, что не только текли, кончали даже, да с подвыванием. Это, правда, тогда брак в пытке считался. Она же не для удовольствия тут лежала, а для наказания. Надо было сразу посильнее включить. Это уж неинтересно было - она орет, орет, дергается, потом - блям, и вырубилась.

Подвесы тоже были. Не на столе, конечно. Это девок за разные места вверх поднимали. Смешнее всего, когда за ногу. Она вниз головой болтается, свободная нога в сторону оттопырена. А вся промежность так широко раздвинута, что в дырку влагалищную чуть матку не видать. И титьки под своей тяжестью отвисли, сосками вниз смотрят, шевелятся, как живые... За них, конечно, тоже подвешивали. Для этого перевязать надо потуже, до багровости, чтоб не выскользнули. Тогда за них и поднимать девку можно... А однажды мы без учителя за одни соски поднять пытались. Лота как раз придумала, она выдумщица на такие дела была. Соски у тетки этой крупные были, действительно грех не попробовать. Но не получилось ничего. Грудь-то крепко на девках держатся, а соски - не очень. Так что просто оторвались они - и все. Но вообще подвесы вместе с поркой использовались. Она висит, а ты ее по разным местам лупишь. Только это сложно было - она ведь на веревке крутится и куда надо трудно попасть. Еще что? Подпаливали их, как свиней на ферме. Лучше всего на подвесе было, когда на титьках висит. Тут можно было и соски палить, но опасно - чуть промахнешься, веревку пережжешь, девка и свалится. А так, ноги ей в стороны разведешь и туда - свечку горящую. Вначале мохнатка сгорает - волоски скручиваются и пепел в стороны летит. Воняет, правда. Затем уже жареным мясом пахнуть начинает. Вкусно, кстати, пахнуть - если голодный, конечно. И все ее складки в «...» красными становятся, а потом на глазах пузыриться начинают. Только кричит девка от этого уж очень. А уж дергается так, что двое парней со всей силы ее за ноги держать должны. Затем

еще пытали приспособлениями всякими. «Испанским сапогом», например, или «жеребцом». Почему сапог этот «испанским» называется, не знаю. Да и на сапог-то похож не был. Зажимы просто для рук-ног, чтоб косточки там на пальцах раздавливать. Тут что. Винт крутишь - она орет, еще крутишь - еще орет. И что характерно, сознание так и не теряет, даже когда пальцы совсем плоские делаются и из них кровь выступает.

Ну а вот почему «жеребец» так называется - это понятно. Вроде как считается, что у коней член самый огромный. Тут тоже похоже получалось. Это трубка такая была, в которой барашек вертишь, а она от этого все шире становится. Будто у жеребца «...» набухает. Девка на столе в раскоряку лежит, а ты ей между ног эту трубку вставляешь. Тонкую еще, конечно, толстая-то не влезет. Как можно глубже вставляешь, до упора. Потом барашек накручивать начинаешь. Вначале свободно идет, пока в ее нутре место свободное есть, девка в это время молчит еще. Затем - с напрягом и кровь оттуда потекла - это у нее кости раздвигаются, а дырка рваться начинает. И крику столько... Мне поэтому больше нравилось не во влагалище, а в задницу девкам жеребца заправлять. Хоть зрелище интересное было. В кишках там у нее расширяется, от этого все женское хозяйство не просто выпячивается. Прямо-таки наизнанку выворачивается. Как будто цветок какой распускается. Медленно только вертеть надо. Тогда красивей получается. Тем более еще там все набухает, из розового ярко-красным становится. Да и крику поменьше.

А вот что из пыток совсем не по мне было, это когда на части разбирали. Ногти там вырывали, соски срезали, клитор, кусочки от половых губ, лоскутики кожи снимали. Ладно, еще вопли жуткие, а то сначала еще девка нормальная лежит, а потом - просто кусок мяса окровавленный. Но это обычно перед тем делали, как внутренности смотреть. Так что она так полежит немного, потом ее разрезать начинают. Но я только один раз резал, когда учитель велел. Сам никогда не вызывался, противно было.

Ну, девке обычно сначала живот разрезали. Снизу вверх, от щелки начиная. И по одной части доставали, чтоб все видели. Где там у нее матка, где трубы, где мочевого пузырь, печенка и все прочее. Вынимать надо было, потому что там внутри все кровью залито, ничего не увидишь. Потом выше шли, ребра такими здоровыми щипцами перекусывали, до верхних внутренностей добирались. Только она к этому времени обычно в отключке была, так что как сердце доставали, так оно не билось уже. И что характерно, не только она в отключке была, девки из новой группы тоже чуть не все в обмороке валялись.

С.: Очень гуманные у вас уроки были. И что, на них пытали и вскрывали только женщин?

Д.: Никак нет, конечно. Но мы же парни все-таки, нам с девками интересней было. А вот Лота, например, она больше с мужчинами возиться любила. Как мужика какого на пытку притаскивали, прямо вся такая счастливая делалась. Мы-то больше в сторонке стояли, с ним она в основном занималась. Особенно ей нравилось с членом всякие гадости делать. Причем, чтоб в это время он стоял. А мужик ведь к столу привязан, ему не до мыслей всяких возбуждающих. Так что все хозяйство просто валяется между ног, ничего больше. Лота тогда бечевкой у корня перетягивала. Помогало, кстати, член не просто поднимался, а стоял, как вкопанный. Хоть мужик и мычал - больно было. Потом кулачком она ухватится - и ну давай в стороны оттягивать. Ждет, пока крик начнется. Иногда получалось, но не часто - терпеливые в основном попадались.

Еще кровь из него любила пускать. Кожицу вниз оттянет и уздечку подрезает. А там же все

набухшее. Так что сразу фонтанчик получается. Или в член карандаш на всю длину засовывать. Засунет, потом крутит им. Ей смешно, а пытаемый тут уж орать начинает. Да и парни наши вокруг тоже морщатся. Еще бы, как представишь, что это ты там лежишь... бррр! А напоследок кастрировала она мужика. Что характерно, это Лоту совсем в восторг приводило. Мошонку ему распорет, яйца оттуда достанет, и играть с ними, перебирать там... Потом уж отрезает, конечно. Нам все предлагает потрогать, какие они на ощупь. Я так думаю, что это она в своего отца пошла. Про него тоже всякие истории рассказывали...

С.: Давайте с этими историями мы подождем до следующего допроса. До свидания.

Д.: До свидания.